А. Н. Закирова, Н. А. Муравьев

ПАДЕЖНОЕ КОДИРОВАНИЕ ПАЦИЕНСА В ПРИЧАСТНО-ПАССИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ ГОРНОМАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются две пассивные конструкции в горномарийском языке. В обеих из них используется причастная форма на *-тă*; основное различие между конструкциями состоит в падежном оформлении пациентивного участника. В одной из конструкций сохраняется исходное аккузативное маркирование пациенса, тогда как в другой конструкции пациентивный участник получает номинативное оформление. Цель исследования — сравнительный анализ двух разновидностей пассива и выявление закономерностей, лежащих в основе выбора падежного оформления пациенса. В литературе по пассивным конструкциям во многих языках отмечается наличие двух пассивных конструкций: адъективного пассива со стативной семантикой и глагольного пассива с динамической семантикой. Это же различие ожидалось увидеть и применительно к горномарийскому причастному пассиву. Для проверки этого предположения были изучены: а) синтаксические особенности конструкций, соотношение в них именных и глагольных свойств, б) аспектуальная семантика конструкций, а именно противопоставление стативной и динамической семантики, в) особенности кодирования участников и контексты с различным референциальным статусом пациенса. Было установлено, что пассив с номинативным кодированием пациенса в целом характеризуется именным синтаксисом, стативной семантикой и обязательной определенностью пациенса, тогда как пассив с аккузативным кодированием имеет глагольный синтаксис, динамическую семантику и не ограничен с точки зрения референциальных свойств пациенса. Единственным наблюдаемым отклонением от данных закономерностей является одинаковая допустимость обеих разновидностей пассива в хабитуальных контекстах, что подлежит дальнейшему выяснению. На основе выявленных закономерностей было сделано обобщение, что пассив с номинативным кодированием пациенса описывает состояние, возникшее в результате некоторого события, тогда как пассив с аккузативным кодированием описывает само событие. В качестве итога исследования предложена интерпретация семантического различия между конструкциями в теоретической парадигме синтаксиса первой фазы Дж. Рэмчанд: аккузативную конструкцию можно рассматривать как конструкцию с озвучиванием каузирующего и процессуального подсобытия, а номинативную — как конструкцию с озвучиванием результирующего подсобытия.

Ключевые слова: уральские языки, горномарийский язык, пассив, причастие, результатив, падеж, аспект, референциальный статус, структура события.

Введение

Причастный пассив является одним из широко обсуждаемых видов пассивной конструкции. Такие конструкции с предикативным использованием причастия синтаксически близки к адъективным именным предикатам и чаще всего описывают состояние, возникшее в результате предшествующего события, однако иногда могут проявлять глагольные свойства и выражать динамическую семантику. В уральских языках в таких пассивных конструкциях используется нефинитная форма, сочетающая в себе функции причастия, номинализации и иногда инфинитива. К таким формам относится, в частности, форма на *-тă* в горномарийском языке (уральские > финно-угорские > марийские), о которой пойдет речь далее. В статье сопоставляются две конструкции с причастным пассивом, в одной из которых пациенс оформлен номинативом, в другой — аккузативом. Цель исследования — выявить закономерности падежного кодирования при пассиве. Материал для исследования¹ собран в ходе

¹ (Исследование поддержано грантом РНФ №19-78-10139 «Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири»).

экспедиций в с. Кузнецово (июль–август 2017 г.) и в с. Микряково (октябрь–ноябрь 2019 г.) Горномарийского района Республики Марий Эл. В с. Кузнецово было опрошено одиннадцать, в с. Микряково — восемь носителей, все они ежедневно говорят на родном языке. Кроме того, мы использовали текстовые данные: корпус с. Кузнецово и окрестных деревень объёмом в 63522 словоупотребления² и корпус с. Микряково и окрестных деревень объёмом в 22705 словоупотреблений.

1. Причастие на *-mê*: три типа употреблений

Отглагольная форма на *-mê*³ трактуется в грамматиках марийских языков (Галкин, 1964: 164, Alhoniemi, 1993: 129–130) и в грамматике горномарийского языка (Саваткова, 2002: 226–228) как пассивное, или страдательное причастие. В этих же описаниях отмечается, что форма на *-mê* образуется не только от переходных, но и от непереходных глаголов и используется во множестве контекстов, выходящих за рамки типичных контекстов для причастий. Все контексты можно разделить на три большие группы: 1) форма на *-mê* в позиции вершины именной группы, присоединяющая морфологические показатели числа, падежа и посессивности; 2) форма на *-mê* как атрибут в составе именной группы — собственно причастные контексты; 3) форма на *-mê* в позиции предиката. Контексты 1–3 проиллюстрированы в примерах (1)–(3).

- (1) *i vot vlad'islaŋ kupr'ijanof, talant-an âl-mê-žê-m uže*
и вот Владислав Куприянов талант-ATTR быть-NMZ-POSS.3SG-ACC уже
päl-en-ât piš kogo-n.
знать-PRET-3PL очень большой-GEN
'И вот Владислав Куприянов, что он очень талантливый, уже знали.'
- (2) *každâj sola-n âl-ân šudâ äštâ-mä vär.*
каждый деревня-GEN быть-PRET трава делать-NMZ место
'У каждой деревни было место для сенокоса.'
- (3) *sedärä(-m) jažo-n čäältâ-mä.*
пол-ACC хороший-ADV красить-NMZ
'Пол хорошо покрашен.'

Употребления горномарийской формы на *-mê* в дистрибуции вершины именной группы (1) и модификатора в именной группе (2) подробно описаны в работе (Shagal, Volkova, 2018). Авторы также упоминают предикатные употребления формы на *-mê* типа (3) и отмечают, что пациенс в такой конструкции может маркироваться номинативом и аккузативом.

В нашей статье речь пойдёт о предикатных употреблениях формы на *-mê*. Предикатные употребления пассивного причастия широко распространены в языках Европы: ср. похожие конструкции в немецком (Maienborn, 2009), в испанском (Bosque, 1990), в иврите (Meltzer-Asscher, 2011), а также в славянских и балтийских языках (Wiemer, 2009). Такие конструкции обычно имеют результативную или пассивную семантику. Агенса в них не выражается или маркируется косвенным падежом / послелогом, а пациенс маркируется номинативом, хотя встречается и аккузативное маркирование: ср., например, исландскую пассивную конструкцию, в которой возможны как номинативное, так и аккузативное маркирование (Eythórsson, 2008: 173–174).

² Корпус доступен по ссылке <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus> (дата обращения 20.07.2020).

³ Показатель *-mê* после гласных заднего ряда имеет алломорф *-mê*, а после гласных переднего ряда — *-mê*.

В горномарийском предикатное употребление формы на *-mă* возможно как с переходными, так и с непереходными глаголами. Агенса не может быть выражен, а пациенс маркируется номинативом или аккузативом. Так как номинативное маркирование пациенса, как правило, описывается в терминах повышения его коммуникативного ранга и продвижения в позицию подлежащего, ср., к примеру, (Givón, 1981), мы будем называть конструкцию с номинативом продвигающим пассивом, а конструкцию с аккузативом — неподвигающим пассивом (подробнее см. далее раздел 4).

В Таблице 1 приведены данные о частотности продвигающего и неподвигающего пассива в текстах (из переходных употреблений учтены только случаи с выраженным прямым дополнением).

Таблица 1. Пассив на *-mă* в текстах на горномарийском языке.

Корпус / падежное маркирование	<i>-mă</i> + Nom	<i>-mă</i> + Acc	Непереходные	Всего
Корпус текстов с. Кузнецово (63522 словоупотребления)	41	61	9	111
Корпус текстов с. Микряково (22705 словоупотреблений)	5	12	3	20

Можно заметить, что формы пассива на *-mă* от переходных глаголов достаточно частотны, причем неподвигающий пассив встречается чаще. Пассивизация непереходных глаголов менее частотна.

На первый взгляд, продвигающий и неподвигающий пассив употребляются в похожих результативных и пассивных контекстах и чаще всего взаимозаменяемы. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что различие между ними не сводится к выбору падежного оформления пациенса: различается и сама структура клаузы. Продвигающий пассив представляет собой именную предикацию, в которой форма на *-mă* проявляет именные свойства, в конструкции же с неподвигающим пассивом форма на *-mă* демонстрирует более «глагольное» поведение. Как и в других языках с аналогичным пассивом, продвигающий причастный пассив, обозначает результирующее состояние пациенса. Неподвигающий пассив же может реферировать к самому событию (о семантике подробнее см. раздел 3).

Дальнейшее изложение построено следующим образом: в Разделе 2 сопоставляются синтаксические свойства продвигающего и неподвигающего пассива. В Разделе 3 описываются аспектуальные интерпретации двух пассивов. В Разделе 4 речь идет о референциальных свойствах пациенса при двух пассивах. В Разделе 5 предлагается объяснение различий между конструкциями в терминах структуры события и подводятся итоги исследования.

2. Синтаксис продвигающего и неподвигающего пассива

В литературе по причастному пассиву выделяется две разновидности пассива: адъективный, или именной пассив (англ. *adjectival passive*), близкий по своим синтаксическим свойствам к именным предикативным конструкциям, и глагольный пассив (англ. *verbal passive*) с преобладающими глагольными свойствами, ср. (Wasow, 1977, Levin, Rappaport, 1986, Kratzer, 2000). Такой контраст довольно частотен в языках мира и наблюдается в том числе в ряде европейских языков, ср. именной пассив в немецком с бытийной связкой (4) и глагольный пассив со вспомогательным глаголом *werden* ‘стать’ (5).

- (4) *Das Kind ist gekämmt*
 DEF.N.NOM ребенок быть.PRS.3SG причесывать.PFV.PTCP

‘Ребенок причесан.’ (Maienborn et al., 2016: 305)⁴

- (5) *Das Kind wird gekämmt*
 DEF.N.NOM ребенок стать.PRS.3SG причесывать.PFV.PTCP
 ‘Ребенка причесывают.’ (там же, 306)

В этом разделе мы рассмотрим структуру клауз с именными и глагольными предикатами в горномарийском, сформулируем их различия и охарактеризуем по выявленным признакам исследуемые пассивные конструкции.

2.1. Именные и глагольные предикаты в горномарийском

В горномарийском языке существительные и прилагательные в позиции предиката не могут сами выражать категорий наклонения, времени, лица и числа. Эти категории выражаются на копуле: при референции к прошлому и настоящему используется копула *âlaš* ‘быть’, а при референции к будущему, в том числе и при стативной интерпретации, — копула *liäš* ‘становиться’.

Копула обязательно выражается при референции к прошлому и будущему, а в плане настоящего может опускаться в третьем лице единственного числа (6), реже — в третьем лице множественного числа. В первом и втором лицах копула не может быть опущена⁵ (7):

- (6) *vas'a âš-an (âl-eš)*
 Вася ум-ATTR быть-NPST.3SG
 ‘Вася умный.’
- (7) *män' âš-an âl-am / *män' âš-an*
 я ум-ATTR быть-NPST.1SG я ум-ATTR
 ‘Я умный.’

В глагольных предикатах словоизменительные категории выражаются на самой глагольной словоформе. Финитный глагол может присоединять клитики ретроспективного сдвига *âl'â* и *âlân*, смещающие описываемую ситуацию в прошлое (Мордашова, 2017), или клитику *lieš*, которая относит ситуацию к будущему или маркирует ее ирреальный статус (Закирова, Мордашова, 2018).

- (8) *i män' kakraz mi-en-äm âl'â ešpaj dvorec-äškä*
 и я как_раз прийти-RET-1.SG RETR1 Эшпай дворец-ILL
 ‘И я как раз пришла тогда во дворец Эшпая.’

Клитики *âl'â* и *âlân* представляют собой застывшие в третьем лице единственного числа формы Перфектива и Претерита глагола *âlaš* ‘быть’, а *lieš* — застывшую в третьем лице единственного числа форму непрошедшего времени глагола *liäš* ‘становиться’. Эти единицы внешне совпадают с соответствующими формами копулы, но в отличие от нее не согласуются по числу и лицу с подлежащим.

Отрицание в именной предикации может выражаться на копуле (9), в то время как показатели ретроспективного сдвига не принимают отрицания.

⁴ Перевод на русский и глоссы наши.

⁵ Опускание копулы во всех лицах возможно только в так называемых предложениях спецификации, где первая именная группа задаёт описание некоторого референта, а вторая ставит ему в соответствие его имя (Partee 2010), ср. пример в (Падучева, Успенский 1979): *Владелец этого особняка — ювелир Фужере.*

- (9) *mən' n'i-gānam=at āl-del-am stud'ent*
 я NEG-когда=ADD быть-NEG.PRET-1SG студент
 'Я никогда не был студентом.'

И в именной, и в глагольной предикации число маркируется на спрягаемом элементе кумулятивно с лицом. Однако существительные и прилагательные в именной предикации могут также дополнительно присоединять именной показатель множественного числа *-vlä*.

- (10) *nānā jažo / jažo-vlä āl-āt.*
 они хороший хороший-PL быть-NPST.3PL
 'Они хорошие.'

2.2. Статус формы на *-mē* при продвигающем и неподвигающем пассиве

Рассмотрим выражение словоизменительных категорий при пассиве. В клаузах с продвигающим пассивом для их выражения используются те же копулы *ālaš* и *liäš*, что и в именной предикации. Как и с другими именными предикатами, копула в форме непрошедшего времени может опускаться в третьем лице (11). Непродвигающий же пассив не допускает выражения связки (12):

- (11) *sedärä jažo-n čüältä-mä (āl-eš)*
 пол хороший-ADV красить-NMZ быть-NPST.3SG
 'Пол хорошо покрашен.'

- (12) *sedärä-m jažo-n čüältä-mä (*āl-eš)*
 пол-ACC хороший-ADV красить-NMZ быть-NPST.3SG
 'Пол хорошо покрашен.'

В прошедшем времени продвигающий пассив требует согласуемой копулы (13), в то время как неподвигающий пассив присоединяет застывшие показатели ретроспективного сдвига (14), но не копулу.

- (13) *xanga-vlä čüältä-mä āl-ān-āt / *ālān*
 доска-PL красить-NMZ быть-RET-3PL RETR2
 'Доски покрасили.'

- (14) *xanga-vlä-m čüältä-mä ālān / *āl-ān-āt*
 доска-PL-ACC красить-NMZ RETR2 быть-RET-3PL
 'Доски покрасили.'

Как и именные предикаты, форма на *-mē* в конструкции с продвигающим пассивом факкультативно присоединяет показатель множественного числа *-vlä*. Непродвигающая пассивная конструкция не допускает показателя *-vlä* на форме на *-mē*:

- (15) *xanga-vlä jažo-n čüältä-mä-vlä āl-āt*
 доска-PL хороший-ADV красить-NMZ-PL быть-NPST.3-PL
 'Доски хорошо покрашены.'

- (16) **xanga-vlä-m jažo-n čüältä-mä-vlä*
 доска-PL-ACC хороший-ADV красить-NMZ-PL
 Ожид. знач.: 'Доски хорошо покрашены'

2.3 Выводы

Синтаксические свойства продвигающего и неподвигающего пассива суммированы в таблице 2 ниже.

Таблица 2. Синтаксические свойства пассива на *-mê*.

	<i>-mê + Nom</i>	<i>-mê + Acc</i>
Согласование на <i>êlaš</i>	+	*
Показатель множ. числа <i>-vlä</i> на <i>-mê</i>	OK	*
Выражение PST	<i>êl</i> -PFV, <i>êl</i> -PRET	<i>êl'ê</i> / <i>êlân</i> (ретроспективный сдвиг)
Вид конструкции	NP V- <i>mê</i> + COP	NP- <i>m</i> V- <i>mê</i>

Конструкция с продвигающим пассивом содержит копулу *êlaš* ‘быть’. Форма на *-mê* в такой конструкции является именным предикатом и проявляет характерные для именных предикатов синтаксические свойства. Конструкция с неподвигающим пассивом не содержит копулы, и форма на *-mê* в ней демонстрирует более «глагольное» поведение, в частности, присоединяет показатели ретроспективного сдвига *êl'ê* или *êlân*.

3. Аспектуальные свойства пассивных конструкций

Формальному противопоставлению именного и глагольного пассива в целом соответствует семантическая оппозиция событийного (англ. eventive) и стативного/результативного (англ. stative или resultative) пассива, ср. (Dubinsky, Simango, 1996, Embick, 2004). В этом разделе мы проверим это наблюдение на материале горномарийского продвигающего и неподвигающего пассива.

3.1. Семантика сочиненных форм причастного пассива

Справедливость этого утверждения можно показать на примере поведения двух конструкций при сочинении с семантически и синтаксически близкими словоформами. Так, продвигающий пассив свободно сочиняется с прилагательными, также описывающими стативный признак (17), но при этом не допускает сочинения двух пассивных форм, описывающих противоположные признаки, которые не могут иметь место в один и тот же момент времени (18).

- (17) *mašinä* *jažo* *dä* *tör-lä-më*
 машина хороший и прямой-MAN-NMZ
 ‘Машина красивая и починенная.’

- (18) *#amasa* *pač-mê* *i* *čüč-më* *êl-eš*
 дверь открыть-NMZ и закрыть-NMZ быть-NPST.3SG
 *‘Дверь открыли и закрыли.’ / #‘Дверь одновременно открыта и закрыта.’

Неподвигающий же пассив свободно допускает сочинение противоположных по смыслу форм с последовательной интерпретацией.

- (19) *amasa-m* *pač-mâ* *i* *čüč-mă*
дверь-ACC открыть-NMZ и закрыть-NMZ
'Дверь открыли и закрыли.'

Кроме того, неподвигающий пассив может образовывать и более длинные цепочки событий, как в (20), где присутствуют в том числе непереходные глаголы, а номинативное маркирование пациенса при переходном глаголе *törläš* 'чинить' признается неприемлемым.

- (20) *tängeče* *tol-mâ* *kok* *cäš* *mašinä-m* / **mašinä* *törlä-mă*
вчера прийти-NMZ два час машина-ACC машина чинить-NMZ
dä *ke-mă*
и уйти-NMZ
'Вчера пришли, два часа починили машину и ушли.'

Таким образом, продвигающий пассив в отличие от неподвигающего принципиально не сочетается с последовательной динамической интерпретацией, что можно рассматривать как аргумент в пользу стативного характера первой конструкции и динамического характера второй.

3.2. Причастный пассив и состояния

Еще одним аргументом в пользу такой трактовки является сочетаемость пассива с предикатами индивидного уровня, которые описывают вневременные свойства, ср. *знать*, *любить*, *уметь* и *быть русским* (Carlson, 1977). Поскольку такие глаголы имеют стативную семантику, естественно ожидать от них предпочтительного использования с продвигающим пассивом, что мы и видим в (21). Непродвигающий пассив, однако, не полностью отвергается носителями, вероятно в силу маргинальной доступности эпизодической интерпретации вхождения в состояние (букв. 'дорогу узнали').

- (21) *kornâ* / *ʔkornâ-m* *pälä-mă*
дорога / дорога-ACC знать-NMZ
'Дорога знакома.'

3.3. Причастный пассив и эпизодическая глагольная множественность

В пользу стативности неподвигающего пассива свидетельствует и разница в сочетаемости с показателями глагольной множественности, поскольку информация о кратности события, вводимая такими показателями, относится к самому событию и далеко не всегда доступна на момент результирующего состояния. Это подтверждается контекстами типа (22) с показателем фреквентатива и предпочтительным использованием неподвигающего пассива.

- (22) *mašinä-m* / *ʔmašinä* *pâdârtâ-lâ-mâ*
машина-ACC машина ломать-FREQ-NMZ
'Машину ломали несколько раз.'

3.4. Причастный пассив в хабитуальном контексте

Хабитуальные контексты, вопреки ожиданиям, не выявляют различий между продвигающим и неподвигающим пассивом. Поскольку хабитуалис является значением глагольной множественности и характеризует само событие, а не его результат, ожидалось бы, что в

таких контекстах результативный продвигающий пассив будет попадать под запрет. Тем не менее, обе конструкции при хабитуалисе оказываются одинаково приемлемыми.

- (23) *telefon* *âl-de,* *tä* *veremä-n* *sirmäš-vlä* *iktä* *vesä*
 телефон быть-NEG.PRET этот время-GEN письмо-PL REC REC
do-kâ *sirä-mä* *âl-ân-ât*
 к-ILL писать-NMZ быть-PRET-3PL
 ‘Телефона не было, в то время друг другу письма писали.’

- (24) *telefon* *âl-de,* *tä* *veremä-n* *sirmäš-vlä-m* *iktä*
 телефон быть-NEG.PRE этот время-GEN письмо-PL-ACC REC
vesä *do-kâ* *sirä-mä*
 REC к-ILL писать-NMZ
 ‘Телефона не было, в то время друг другу письма писали.’

Отсутствие запрета на продвигающий пассив в (23) можно объяснить тем, что хабитуалис может иметь в своей сфере действия и результирующее состояние, как во фразе *Летом в окрестных домах обычно открыты окна*.

3.5. Выводы

Аспектуальные свойства двух разновидностей пассива обобщены в таблице 3 ниже.

Таблица 3. Аспектуальная сочетаемость пассива на *-mê*.

	<i>-mê + Nom</i>	<i>-mê + Acc</i>
Сочинение с прилагательными	+	–
Состояния индивидуального уровня	+	?
Хабитуальные контексты	+	+
Эпизодическая глагольная множественность	–	+
Сочинение последовательных событий	–	+

В целом на основании поведения пассива по рассмотренным тестам можно заключить, что выбор продвигающей и непродвигающей разновидности пассива в основном соответствует контрасту стативной и динамической семантики. Непродвигающий пассив ведет себя исключительно как событийный пассив, в то время как продвигающий пассив соответствует стативному пассиву.

4. Референциальные свойства пассивных конструкций

Определяющим свойством пассивных конструкций является, прежде всего, понижение синтаксического статуса исходного субъекта, тогда как возможность и способ его выражения, а также возможность повышения других участников являются предметом межъязыкового и внутриязыкового варьирования (Shibatani, 1985: 830–831). Далее мы рассмотрим общие принципы выражения участников, затем перейдем к сравнению свойств пациенса в двух конструкциях.

4.1. Выражение участников при пассиве: общие сведения

Обе рассматриваемые разновидности горномарийского пассива понижают в статусе исходный субъект, устраняя его полностью без возможности выражения в позиции косвенного объекта (25). Исключением являются предложения с неодушевленным каузатором, или эффектом, который, как показано в (26), можно выразить формой особого падежа — латива.

- (25) **törelkä* / **törelkä-m* *vas'a-n* / *vas'a* *dono* *măš-mă*
тарелка тарелка-ACC Вася-GEN Вася с мыть-NMZ
Ожид. знач.: 'Тарелка помыта Васей.'

- (26) *kid-vlä* / *kid-vlä-m* *ajar-eš* *jălată-mă*
рука-PL рука-PL-ACC свет-LAT гореть.CAUS-NMZ
'Руки на солнце обгорели.'

Как уже было сказано выше, две конструкции по-разному ведут себя в отношении исходного прямого объекта. Продвигающий пассив повышает его до субъекта, оформляя его номинативом, тогда как непродвигающий пассив сохраняет исходное аккузативное оформление.

- (27) *törelkä* / *törelkä-m* *măš-mă*
тарелка тарелка-ACC мыть-NMZ
'Тарелка помыта.'

- (28) *kid-vlä* / *kid-vlä-m* *jălată-mă*
рука-PL рука-PL-ACC гореть.CAUS-NMZ
'Руки на солнце обгорели.'

Кроме того, непродвигающий пассив возможен от непереходных глаголов, единственный участник которых одушевленный (29, 30), ср. запрет на (31). Синтаксически пассив от непереходных глаголов устроен как переходный непродвигающий, поскольку не содержит связки, следовательно, мы также будем относить его к непродвигающему типу.

- (29) *tengečă* *diskot'ek-ăštă* *šukă* *kuštă-mă* (**ăl-eš*)
Вчера дискотека-IN много танцевать-NMZ быть-NPST.3SG
'Вчера на дискотеке много танцевали.'

- (30) *kădežă-štă* *lūd-mă*
комната-IN испугаться-NMZ
'В комнате испугались.'

- (31) **xolodil'nikă-štă* *păšangă-mă*
холодильник-IN протухнуть-NMZ
Ожид. знач.: 'В холодильнике что-то протухло.'

Как мы уже установили ранее, две пассивные конструкции имеют различия в синтаксических свойствах и в аспектуальной семантике. Учитывая разницу в маркировании пациенса, уместно будет рассмотреть свойства и самого этого участника. Так, например, похожая ситуация с кодированием пациенса при пассиве наблюдается в исландском (Eythórsson, 2008). В статье отмечается, что при каноническом пассиве с номинативным кодированием пациенс

может быть только определенным, тогда как в новой конструкции с аккузативным кодированием это ограничение отсутствует. Тот же контраст можно ожидать и для двух пассивов в марийском. Для проверки этого предположения рассмотрим далее обе конструкции в контекстах с разным референциальным статусом пациенса.

4.2. Причастный пассив и референциальный статус участника

В работе (Падучева, 1985) вводится понятие референциального, или денотативного статуса именных групп и предлагается классификация всех возможных статусов. Здесь мы ограничимся рассмотрением наиболее общих оппозиций определенных и неопределенных, референтных и нереферентных именных групп, попутно обращая внимание на форму референциального выражения (полная ИГ, местоимение). При референтном определенном участнике, ср. Петя в (32) ниже, обе конструкции ожидаемым образом грамматичны.

- (32) *pet'a-m / pet'a pãškâl-mâ*
Петя-ACC Петя жалить-NMZ
'Петю кто-то ужалил.'

Не наблюдается никаких ограничений и в контексте (33), где полная именная группа *sumkâ* 'сумка' имеет неопределенный референциальный статус.

- (33) *kädež-äš tamaxan' äñ'ät sumk-âm / sumkâ kandâ-mâ*
комната-ILL что.INDF INDF сумка-ACC / сумка нести-NMZ
'В комнату принесли какую-то сумку.'

Если же пациенс выражен неопределенным местоимением, как в (34) ниже, возможна только непродвигающая разновидность пассива.

- (34) *kädež-äš ta-ma-m / *ta-ma kandâ-mâ*
комната-ILL INDF-что-ACC INDF-что нести-NMZ
'В комнату принесли что-то.'

Наконец, предикаты с нереферентным прямым объектом, как **телевизор** в (35), также образуют только непродвигающий пассив.

- (35) *t'el'evizor-âm / #t'el'evizor anž-al-mâ*
телевизор-ACC / телевизор смотреть-ATT-NMZ
'Телевизор посмотрели.'

Продвигающий пассив здесь допустим лишь тогда, когда речь идет об определенном телевизоре, к примеру, в контексте его покупки в магазине.

Кроме того, при частном вопросе продвигающий пассив грамматичен, только если вопросительное местоимение реферирует к определенному множеству (36). Если множество не задано, номинатив не допускается (37).

- (36) *män' kol-âm, paj-âm dä cev-äm näl-än-äm,*
я рыба-ACC мясо-ACC и курица-ACC брат-PRÉT-1SG
ta-m / ta kač-mâ?
что-ACC / что есть-NMZ
'Я купил рыбу, мясо и курицу, что (уже) съели?'

- (37) *pet'a* *do-kâ* *tol-mâkâ* *ma-m /* **ma* *kač-mâ?*
 Петя у-ILL2 приходит-CVB.ANT что-ACC / что есть-NMZ
 ‘Когда пришли к Пете, что съели?’

4.3. Выводы

Сочетаемость продвигающего и неподвигающего пассива с различным референциальным статусом пациенса суммирована в таблице 4 ниже.

Таблица 4. Референциальные свойства пациенса при пассиве на *-mâ*.

	<i>-mâ + Nom</i>	<i>-mâ + Acc</i>
Определенный участник	+	+
Неопределенный участник, полная ИГ	+	+
Неопределенный участник, частный вопрос	—	+
Неопределенный участник, местоимение	—	+
Нереферентный участник	—	+

Таким образом, дистрибуция двух вариантов пассива оказывается похожей на ту, что отмечается для исландского языка. Такое распределение выглядит закономерным, если вспомнить, что результирующий пассив не просто описывает состояние, а отсылает к произошедшему ранее событию, ср. сравнительный анализ стативных пассивов и прилагательных в (Kaup et al., 2010). Тем самым, пациенс имеет пресуппозицию существования, а значит должен быть референтным. Непродвигающий же пассив, описывающий само событие, не накладывает каких-либо ограничений на референциальный статус пациенса.

5. К теоретической интерпретации пассивных конструкций

В этом разделе мы суммируем наши наблюдения над употреблением продвигающего и неподвигающего пассива и попытаемся вписать их характеристики в общий теоретический и типологический контекст.

Продвигающий пассив представляет собой структуру именной предикации с копулой, в которой форма на *-mâ* присоединяет именные показатели числа. Эта структура имеет только результирующую интерпретацию и возможна только с переходными глаголами и при референтном пациенсе. Таким образом, он похож на стативный пассив в европейских языках, для которого в литературе предлагается анализ в терминах синтаксиса первой фазы (Ramchand 2018; García-Pardo, 2017).

Неподвигающий пассив в отличие от продвигающего имеет динамическую интерпретацию, присоединяет только глагольные показатели и сохраняет глагольное управление, образуется от переходных и непереходных глаголов и не накладывает ограничений на свойства пациенса.

Анализ английских пассивных конструкций в (Ramchand 2018) опирается на теоретические представления о синтаксисе первой фазы (Ramchand, 2008). Принято считать, что у каждого глагола лексически задана упорядоченная последовательность событийных проекций. Набор вершин зависит от конкретного глагола, но максимально их три: *init*, *proc* и *res*. Каждая вершина вводит свое подсобытие и соответствующего ему участника. Первая вершина

init вводит каузирующее подсобытие и участника с ролью инициатора (Initiator), ответственного за осуществление события (обычно агенс переходного глагола). Вторая вершина *proc* вводит процессное подсобытие и участника с ролью претерпевающего (Undergoer), который вовлечен в динамическую стадию события (обычно пациенс переходного глагола). В случае непереходного глагола единственному участнику как правило соответствуют одновременно роли инициатора и претерпевающего. Наконец, вершина *res* вводит результирующее подсобытие и участника с ролью носителя результирующего состояния (Resultee), который чаще всего совпадает с претерпевающим.

Пассивные конструкции в такой системе предлагается анализировать следующим образом: из всего набора вершин, составляющего лексическую спецификацию глагола, форма причастия озвучивает лишь подмножество этих вершин. При стативном пассиве озвучивается только *res*, вводящая результирующее состояние; если исходный глагол её не имеет, то она надстраивается, и получившаяся форма интерпретируется как стативная (Ramchand 2018: 94). При событийном пассиве, напротив, в озвучиваемый диапазон входят только *init* и *proc*, отвечающие за событийные компоненты значения.

В целом данный анализ применим и к горномарийскому материалу. Непродвигающий пассив по своим свойствам действительно ведет себя как динамический, демонстрируя глагольный синтаксис, динамическую семантику, а также сочетаемость с непереходными глаголами и аккузативное оформление объекта при переходных. Похожая пассивная конструкция имеется в норвежском языке (Åfarli, 1992), однако граница допустимости конструкции с непереходными глаголами проходит не по одушевленности, а по агентивности: неаккузативные или пациентивные непереходные глаголы попадают под запрет.

Продвигающий пассив в свою очередь соответствует классическому стативному пассиву в европейских языках. Формально стативная разновидность в этих языках отличается от динамической выбором связки, что можно видеть, к примеру, в немецком или английском. В горномарийском же, помимо падежного маркирования пациенса, обсуждаемые разновидности пассива также различаются связкой: полноценная согласуемая связка есть только у продвигающего пассива. Однако с семантической точки зрения все оказывается не так однозначно. В (Ramchand, 2018: 88) приводятся примеры конструкции событийного пассива, в которых выражен исходный субъект, но глагол при этом является стативным, ср. *That house is owned by John* 'Домом владеет Джон'. Кроме того, в (García-Pardo, 2017: 25–26) упоминается особый класс глаголов, называемых «стативными каузативами» (англ. *stative causatives*), включающий переходные глаголы с семантикой психического состояния ('волновать', 'впечатлять'), локализации ('окружать') и контроля ('контролировать', 'охранять'), в которых описываемое состояние поддерживается каузатором. Предлагаемая для таких глаголов структура содержит вершины *init* и *res*, но не *proc* (ibid. 29–34). Такие глаголы фиксируются в причастно-пассивных конструкциях в испанском языке, немецком и иврите (ibid. 40–43). Как можно видеть из (38), присутствуют они и в горномарийском.

- (38) *muzej* *orolâ-mâ* (*âl-eš*)
 музей охранять-NMZ быть-NPST.3SG
 'Музей охраняется.'

Из этого можно сделать два возможных вывода: случаи пассива от переходных стативных предикатов относятся к событийному пассиву на основании наличия имплицитного компонента каузации либо их *contra* (Ramchand, 2018) все же следует относить к стативному пассиву. Второй вариант представляется нам менее противоречивым, а заодно и более экономичным, поскольку связывает формальные различия между двумя конструкциями напрямую с их семантикой. Следуя этой линии, мы можем с относительной уверенностью утверждать, что наличие вершины *init* в интерпретированной структуре первой фазы необязатель-

но делает пассив событийным, а вершина *ges* является, хотя и ключевым, но необязательно единственным компонентом стативного пассива. Однако более подробное обсуждение и уточнение конкретных технических деталей модели мы выносим за рамки этой работы.

Заключение

В статье был рассмотрен причастный пассив на *-tê-* в горномарийском языке. Пассивная конструкция имеет две разновидности: продвигающий пассив с номинативным оформлением и неподвигающий пассив с аккузативным оформлением пациенса. В ходе анализа двух конструкций было установлено, что продвигающий пассив описывает результирующее состояние, что выводится из его синтаксических свойств именной предикации, стативной семантики и сочетаемости с обязательно определенным пациенсом. Непродвигающий же пассив описывает само событие, характеризуясь глагольными свойствами, динамичностью семантики и неограниченностью референциального статуса пациенса. Наблюдаемые закономерности проинтерпретированы в терминах структуры события, в рамках которой с некоторыми оговорками предложено рассматривать продвигающий пассив как озвучивающий в первой фазе деривации результирующее подсобытие, а неподвигающий — как озвучивающий каузирующее и процессуальное подсобытия.

Список сокращений:

ACC — аккузатив, ADD — аддитив, ADV — адвербиализатор, ANT — предшествование, ATT — аттенуатив, ATTR — атрибутивизатор, CAUS — каузатив, CVB — конверб, DEF — определенность, FREQ — фреквентатив, GEN — генитив, ILL. — иллатив, IN — инэссив, INDF — неопределенность, LAT — латив, MAN — образ действия, N — средний род, NEG — отрицание, NMZ — номинализация, NOM — номинатив, NPST — непрошедшее время, PFV — перфектив, PL — множественное число, POSS — посессивность, PRET — претерит, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, PTCP — причастие, REC — реципрок, RETR1 и RETR2 — ретроспективный сдвиг, SG — единственное число.

Литература:

- Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка, морфология. Марийское книжное изд-во. 1964.
- Мордашова Д. Д. Аналитические конструкции с формами глагола 'быть' в горномарийском языке // Урал-алтайские исследования. 2017. № 4 (27). С. 59–76.
- Мордашова Д. Д., Закирова А. Н. Конструкции с глагольной формой *lieš* 'станет' в горномарийском языке и носитель пропозициональной установки // Пятнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.). / Отв. ред. Д. Ф. Мищенко. СПб.: ИЛИ РАН. 2018. С. 87–90.
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Рипол Классик, 1985.
- Падучева Е. В., Успенский В. А. Подлежащее или сказуемое // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1979. № 4 (38). С. 349–360.
- Саваткова А. А. Горное наречие марийского языка. Bibliotheca ceremissica. Tomus V. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Alhoniemi A. Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske Verlag, 1993.
- Afarli, Tor A. The syntax of norwegian passive constructions. Amsterdam: John Benjamins, 1992.
- Bosque I. Tiempo y aspecto en español. Madrid: Cátedra, 1990. P. 177–211.
- Carlson G. Carlson Reference to Kinds in English: PhD diss. / Gregory Carlson. Amherst: University of Massachusetts, 1977.
- Dubinsky S., Simango R. Passive and stative in Chichewa: Evidence for modular distinctions in grammar // Language. 1996. 72. P. 749–781.
- Embick D. On the structure of resultative participles in English // Linguistic Inquiry. 2004. Vol. 3 (35). P. 355–392.

- García-Pardo A.** Aspect and argument structure in adjectival passives // *Borealis. An International Journal of Hispanic Linguistics*. 2017. Vol. 6 (1). P. 21–52.
- Givón T.** Typology and functional domains // *Studies in Language*. 1981. Vol. 5 (2). P. 163–193.
- Eythórsson T.** The New Passive in Icelandic really is a passive. *Grammatical change and linguistic theory: The Rosendal papers* 113 (2008): 173–219.
- Kaup B., Lüdtke J., Maienborn C.** “The drawer is still closed”: Simulating past and future actions when processing sentences that describe a state // *Brain and language*. 2010. Vol. 112 (3). P. 159–166.
- Kratzer A.** Building statives // *Berkeley Linguistic Society*. 2000. Vol. 26 (1). P. 385–399.
- Levin B., Rappaport M.** The formation of adjectival passives // *Linguistic Inquiry*. 1986. 17. P. 623–662.
- Maienborn C.** Building event-based ad hoc properties: On the interpretation of adjectival passives // *Proceedings of Sinn und Bedeutung*. 2009. Vol. 13 (1). P. 31–46.
- Maienborn C., Gese H., Stolterfoht B.** Adverbial modifiers in adjectival passives // *Journal of Semantics*. 2016. Vol. 33 (2). P. 299–358.
- Meltzer-Asscher A.** Adjectival passives in Hebrew: Evidence for parallelism between the adjectival and verbal systems // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2011. Vol. 29 (3). P. 815–855.
- Partee B. H.** Specificational copular sentences in Russian and English // *Oslo Studies in Language*. 2010. Vol. 2 (1). P. 25–49.
- Ramchand G. C.** *Verb meaning and the lexicon: A first phase syntax*. — Cambridge University Press, 2008
- Ramchand G. C.** *Situations and syntactic structures: Rethinking auxiliaries and order in English*. The MIT Press, 2018.
- Shagal K., Volkova A.** Participial modification in Hill Mari // *Általános nyelvészeti tanulmányok 30. Uralisztikai tanulmányok [General Linguistics Studies 30. Uralic Studies]*. Budapest: Akadémiai Kiadó. 2018. P. 207–232.
- Shibatani M.** Passives and related constructions: A prototype analysis // *Language*. 1985. 61. P. 821–848.
- Stassen L.** *Intransitive predication*. Oxford University Press, 2003.
- Wasow T.** Transformations and the lexicon // Akmajian A., Culicover P. W., Wasow T. (eds.). *Formal syntax*. Cambridge: Academic Press, 1977. P. 327–360.
- Wiemer B.** The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages // Bisang W., Himmelmann N. P., & Wiemer B. (eds.). *What makes grammaticalization?: a look from its fringes and its components*. Berlin: Walter de Gruyter, 2009. P. 271–331.

Закирова Айгуль Наилевна, аспирант.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, 101000.

E-mail: aigul.n.zakirova@gmail.com

Муравьев Никита Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, 101000.

E-mail: nikita.muraviev@gmail.com

Материал поступил в редакцию 21 марта 2020 г.

A. N. Zakirova, N. A. Muravyev

CASE MARKING OF PATIENT IN THE PARTICIPIAL PASSIVE CONSTRUCTION IN HILL MARI

The article provides an account of two participial passive constructions employing the *-mâ-* participle in Hill Mari. The data was collected in 2017 and 2019 in the villages of Kuznetsovo and Mikryakovo of the Gornomarijskij district, Republic of Mari El. The two constructions with the *-mâ-* participle differ in the first place in how the patient is marked: in one of them the patient is marked for nominative, whereas in the other construction the accusative marking is inherited from the transitive verb. The aim of this study is to compare the two constructions in terms of their syntax and semantics and explore the rules that govern the choice between them. In the existing literature two kinds of passive constructions are described: adjectival passive constructions with stative interpretation and verbal passive constructions with dynamic interpretation. The two Hill Mari *-mâ-* constructions were ex-

pected to demonstrate the same distinction. In order to test this hypothesis, we considered a) the syntactic properties of the constructions, and the nominal or verbal behavior of the *-mā-* form in both cases; b) the aspectual semantics of the two constructions, i.e. the possibility of stative and dynamic interpretation in both constructions; c) the marking of the arguments in the constructions, i.e. the possibility of overt expression of the agent and the referential properties of the patient. Syntactically, the passive construction with the nominative marking of the patient turned out to be an adjectival predication. This construction is stative, and the nominative patient NP is always definite. The construction with accusative patient marking is a verbal clause with a dynamic interpretation. The accusative patient NP may have any referential properties. However, both constructions can refer to habitual events, which needs further investigation. The observed properties of the two constructions lead to the following generalization: the construction with nominative patient marking denotes a resultant state of an event, whereas the construction with accusative patient marking denotes the event itself. This difference may be interpreted in the first phase syntax framework developed by G. Ramchand: in the nominative construction the patient is the Resultee, whereas in the accusative construction the patient is the Undergoer.

Keywords: *Uralic languages, Hill Mari, passive, participle, resultative, case, aspect, referentiality, event structure.*

References:

- Alhoniemi A.** Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske Verlag, 1993.
- Bosque I.** Tiempo y aspecto en español. Madrid: Cátedra, 1990. P. 177–211.
- Carlson G.** Carlson Reference to Kinds in English: PhD diss. / Gregory Carlson. Amherst: University of Massachusetts, 1977.
- Claus B., Kriukova O.** Interpreting adjectival passives: Evidence for the activation of contrasting states. // Stolterfoht B., & Featherston S. (eds.). Empirical approaches to linguistic theory: studies in meaning and structure. Berlin: Walter de Gruyter, 2012. P. 187–206.
- Dubinsky S., Simango R.** Passive and stative in Chichewa: Evidence for modular distinctions in grammar // *Language*. 1996. 72. P. 749–781.
- Embick D.** On the structure of resultative participles in English // *Linguistic Inquiry*. 2004. Vol. 3 (35). P. 355–392.
- Eythórsson T.** The New Passive in Icelandic really is a passive. *Grammatical change and linguistic theory: The Rosendal papers* 113 (2008): 173–219.
- Galkin I. S.** Istoricheskaja grammatika marijskogo jazyka, morfologija [Historical grammar of Mari]. Mari book publishing house. 1964.
- García-Pardo A.**, 2017. Aspect and argument structure in adjectival passives // *Borealis. An International Journal of Hispanic Linguistics*. 2017. Vol. 6 (1). P. 21–52.
- Givón T.** Typology and functional domains // *Studies in Language*. 1981. Vol. 5 (2). P. 163–193.
- Kaup B., Lüdtke J., Maienborn C.** “The drawer is still closed”: Simulating past and future actions when processing sentences that describe a state // *Brain and language*. 2010. Vol. 112 (3). P. 159–166.
- Kratzer A.** Building statives // *Berkeley Linguistic Society*. 2000. Vol. 26 (1). P. 385–399.
- Levin B., Rappaport M.** The formation of adjectival passives // *Linguistic Inquiry*. 1986. 17. P. 623–662.
- Lyutikova E. A., Tatevosov S. G., Ivanov M. Yu., Shluinsky A. B., Pazelskaya A. G.** Struktura sobytija i semantika glagola v karachaevo-balkarskom jazyke [Event structure and verb meaning in Karachay-Balkar]. M.: Institute of World Literature, RAS, 2006.
- Maienborn C.** Building event-based ad hoc properties: On the interpretation of adjectival passives // *Proceedings of Sinn und Bedeutung*. 2009. Vol. 13 (1). P. 31–46.
- Maienborn C., Gese H., Stolterfoht B.** Adverbial modifiers in adjectival passives // *Journal of Semantics*. 2016. Vol. 33 (2). P. 299–358.
- Meltzer-Asscher A.** Adjectival passives in Hebrew: Evidence for parallelism between the adjectival and verbal systems // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2011. Vol. 29 (3). P. 815–855.
- Mordashova D. D.** Analiticheskie konstrukcii s formami glagola ‘byt’ v gornomarijskom jazyke [Analytic constructions with the verb ‘to be’ in Hill Mari] // *Ural-Altai studies*. 2017. no. 4 (27). S. 59–76.

- Mordashova D. D., Zakirova A. N.** Konstrukcii s glagol'noj formoj lieš 'stanet' v gornomarijskom jazyke i nositel' propozicional'noj ustanovki [Constructions with the verbal form lieš 'becomes' and modal assessor in Hill Mari] // Fifteenth Conference on Typology and Grammar for Young Researchers. Abstracts (St. Petersburg, November 22-24, 2018). / Resp. ed. D. F. Mishchenko. SPb.: Institute for Linguistic Studies, RAS. 2018. S. 87–90.
- Paducheva E. V.** Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju [Statement and its relation to reality]. M.: Ripol Classic, 1985.
- Paducheva E. V., Uspensky V. A.** Podlezhashhee ili skazuemoe [Subject or predicate] // Izvestiya of the USSR Academy of Sciences. A series of literature and language. 1979. no. 4 (38). S. 349–360.
- Partee B. H.** Specificational copular sentences in Russian and English // Oslo Studies in Language. 2010. Vol. 2 (1). P. 25–49.
- Ramchand G. C.** Verb meaning and the lexicon: A first phase syntax. Cambridge University Press, 2008.
- Savatkova A. A.** Gornoe narechie marijskogo jazyka [Hill variety of Mari language]. Bibliotheca ceremissica. Tomus V. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Shagal K., Volkova A.** Participial modification in Hill Mari // Általános nyelvészeti tanulmányok 30. Uralisztikai tanulmányok [General Linguistics Studies 30. Uralic Studies]. Budapest: Akadémiai Kiadó. 2018. P. 207–232.
- Shibatani M.** Passives and related constructions: A prototype analysis // Language. 1985. 61. P. 821–848.
- Stassen L.** Intransitive predication. Oxford University Press, 2003.
- Vendler Z.** Verbs and Times // The Philosophical Review. 1957. Vol. 66 (2). P. 143–160.
- Wasow T.** Transformations and the lexicon // Akmajian A., Culicover P. W., & Wasow T. (eds.). Formal syntax. Cambridge: Academic Press, 1977. P. 327–360.
- Wiemer B.** The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages // Bisang W., Himmelmann N. P., & Wiemer B. (eds.). What makes grammaticalization?: a look from its fringes and its components. Berlin: Walter de Gruyter, 2009. P. 271–331.

Zakirova Aigul Nailevna, postgraduate student.

National Research University Higher School of Economics.

20 Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000.

E-mail: aigul.n.zakirova@gmail.com

Muravyev Nikita Alekseevich, candidate of philology, associate professor.

National Research University Higher School of Economics.

20 Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000.

E-mail: nikita.muraviev@gmail.com